

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ В МАТЕРИАЛАХ ПЕРВОГО ГОРИЗОНТА ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА-VI*

В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI. Обнаруженные находки костей животных (более 30000) позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника. В процессе исследования первого горизонта поселения Новоильинка-VI собрана очень выразительная серия изделий из кости и костей со следами обработки. Большинство изделий выполнены из костей лошади.

Трепала из нижних челюстей и лопаток лошади имеют широкое распространение на широких просторах степей Евразии от Молдавии до Верхнего Приобья, от эпохи энеолита до раннего железного века. Пешневидные орудия находят аналогии в материалах культур с производящей экономикой эпохи энеолита и ранней бронзы на территориях Северного Казахстана, Степного Алтая и Барабинской лесостепи. Изделия из первых фаланг лошадей с желобком и царапинами имеют аналогии в материалах культур эпохи энеолита Северного Казахстана. Аналогии «игловидным» наконечникам стрел известны в погребениях кротовской и одиновской культур эпохи ранней бронзы Барабинской лесостепи. Подшипники из первых фаланг крупного рогатого скота являются специфическими изделиями. Они представляют собой подшипники скольжения, являющиеся самой верхней частью лучкового станка. Вероятно, эти изделия могут стать одним из этнокультурных признаков энеолитических памятников Кулундинской степи.

Ключевые слова: археология, энеолит, производящая экономика, изделия из нижних челюстей и лопаток лошадей, метаподиальные кости лошадей.

DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-03

Введение

В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м [Кирюшин, 2015а, с. 149–150]. В площадь раскопа практически полностью попало долговременное жилище эпохи энеолита (№1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ: №2 в восточной части раскопа и №3 в южной. Жилище №2, скорее всего, синхронно жилищу №1 и относится к финальному энеолиту, а №3 – к более позднему времени (финальный энеолит – ранняя бронза). В северо-восточной части раскопа обнаружено пятно, которое может оказаться частью четвертого жилища. Между жилищами №1, 2 и 3 выявлены следы легких наземных конструкций, которые датируются более ранним временем (неолит – ранний энеолит). Можно констатировать, что поселение Новоильинка-VI является сложным археологическим объектом, который пока не имеет аналогов на территории Кулундинской степи в пределах Алтайского края [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 253–255].

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Материалы и их обсуждение

Обнаруженные находки костей животных (более 30000) позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014, с. 421–427]. Его фаунистический комплекс отображает ранний этап становления «стада» домашних копытных (разведение лошади и крупного рогатого скота при отсутствии овцы и козы), отмечаемый для неолита и энеолита северной половины Казахстана [Гайдученко, 2014, с. 211–214]. В материалах первого горизонта обнаружены 19181 экз. каменных артефактов. Основную массу артефактов составляют отходы каменной индустрии – 17443 экз. Орудийный набор представлен 1690 экз. Продукты первичного расщепления – 48 экз.

Керамические коллекции первого горизонта очень разнообразны. Наиболее распространенный орнаментальный прием – «отступающая» палочка с элементами накальвания [Кирюшин, 2015а, рис. 1]. Этот орнаментальный прием чаще всего сочетается с рядами ямок [Кирюшин, 2015а, рис. 1, 2], которые в отдельных случаях могут выступать в качестве самостоятельного элемента декора [Кирюшин, 2015а, рис. 4.-4]. Встречено много керамики, декорированной отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок [Кирюшин, 2015а, рис. 3; 4.-1, 2, 4].

Для первого горизонта поселения Новоильинка-VI получены две радиоуглеродные даты: 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043). Вопрос об абсолютном возрасте комплексов второго и третьего горизонтов пока остается открытым. Скорее всего, хронологический разрыв между временем функционирования жилищ и их использованием в качестве мест, куда выбрасывали отходы, будет относительно небольшим.

В процессе исследования первого горизонта поселения Новоильинка-VI собрана очень выразительная серия изделий из кости и костей со следами обработки.

Часть артефактов не являются орудиями – это метаподиальные кости лошадей со следами подпиливания (рис. 1.-1, 2). У обеих метаподий с плантарной стороны в нижней четверти (примерно) на поверхностях диафизов имеются достаточно глубокие поперечные пропилены. Они выполнены каменными орудиями и примыкают к поверхностям отломов (рис. 1.-1, 2). Это следы разделявания метаподий с целью получения костяной заготовки (трубчатого диафиза) для дальнейшей обработки. После надпила сильным ударом по нижнему концу кости с противоположной надпилу стороны он отламывался. Это хорошо видно на приводимых рисунках.

Очень интересны костяные острия, или «копьевидные орудия» (рис. 1.-3, 4). Подобные изделия из кости достаточно часто встречаются в материалах неолита, энеолита и ранней бронзы Северной Евразии. В археологической литературе не сложилось устойчивой типологии этих артефактов.

Оба орудия выполнены из обломков верхних частей стенок диафизов плюсневых костей лошади.

Для обозначения двух подобных изделий, найденных на поселении ранней бронзы в Алейской степи Березовая Лука, исследователи используют термин «копьевидное орудие» [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 147.-3; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 57, фото 7, рис. 37.-6]. Авторы отмечают, что они могли применяться в качестве земляных орудий или в качестве пещни [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 57].

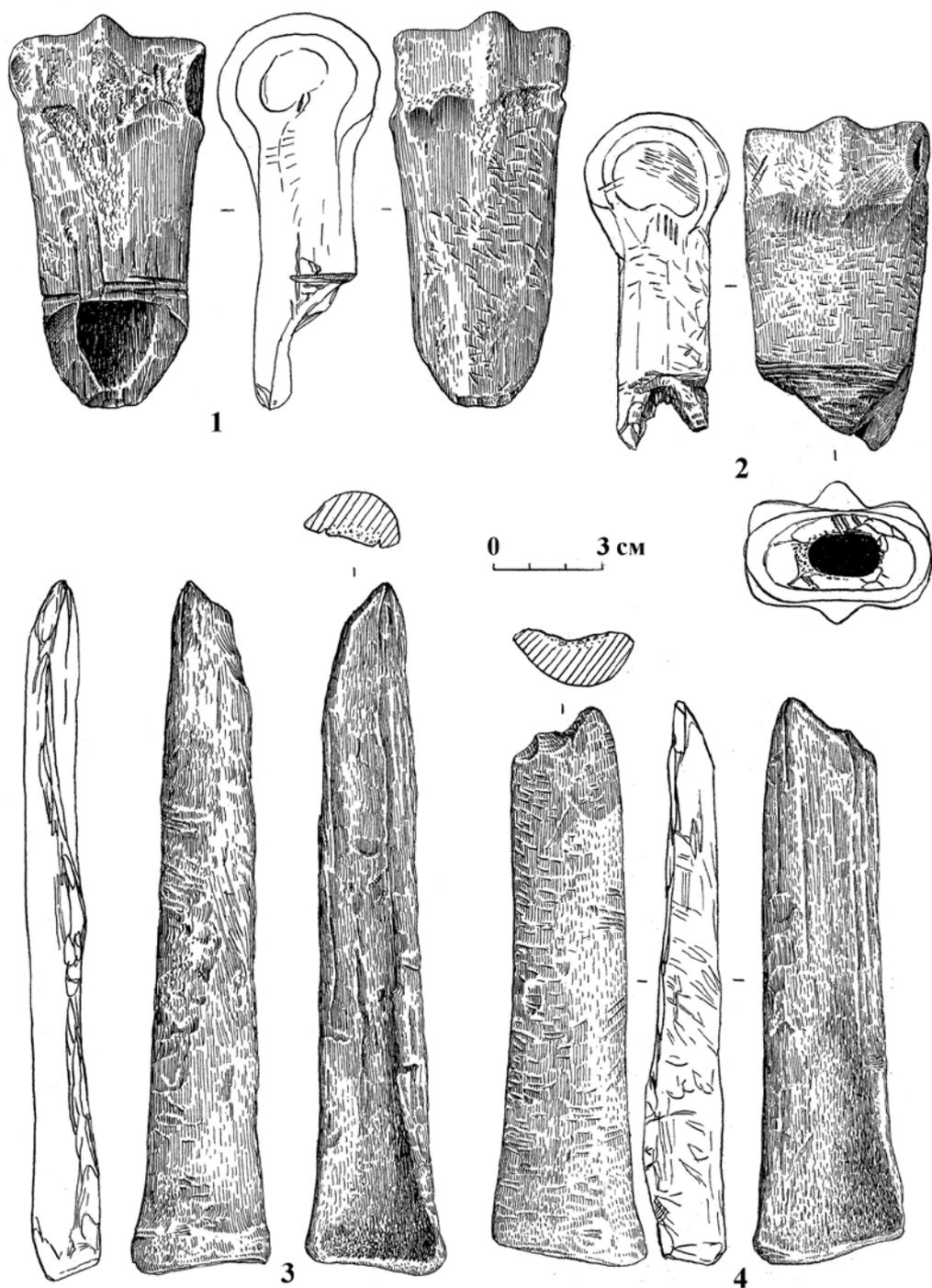

Рис. 1. Поселение Новоилынка-VI. Первый горизонт, изделия из кости:
1-2 – метаподиальные кости лошадей со следами подпиливания; 3-4 – костяные
острия, или «копьевидные орудия» (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Представительная серия похожих артефактов (7 экз.) встречена в погребениях кротовской культуры могильника ранней бронзы Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-1–7]. В.И. Молодин [1985, с. 51] называет их кинжалами. Стоит отметить, что одно изделие сильно отличается от обнаруженных на поселениях Новоильинка-III [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-5]. У него на месте рукояти просверлено отверстие для подвешивания [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-5]. Зато три орудия [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25.-2, 3, 7] практически идентичны новоильинским. Вячеслав Иванович считает, что это орудия универсального назначения [Молодин, 1985, с. 51].

Аналогии подобным изделиям имеются в материалах поселений эпохи энеолита Красный Яр [Зайберт, 1993, с. 133, рис. 47.-8] и Кожай-1 [Калиева, Логвин, 1997, с. 67, рис. 15.-17] в Северном Казахстане. В принципе, они известны на широкой территории Украины, Молдавии и Русской равнины [Черныш, Мерперт, 1982, табл. LXXXV.-15, 18; Гурина, Крайнов, 1996, рис. 56.-44, 53] от неолита до раннего бронзового века. Стоит отметить, что в эпоху энеолита и бронзы количество таких изделий по сравнению с предшествующим периодом резко увеличивается.

В 2014 г. в раскоп попала небольшая часть жилища №2 (около 12 кв. м). Эта часть была исследована полностью до материка. В процессе полевых работ выявлены элементы конструкции жилищ – столбовые ямки. Выбрано заполнение жилища №2 – второй горизонт, связанный с периодом его функционирования.

Несмотря на небольшую вскрытую площадь жилища №2, можно уверенно говорить о научном потенциале этого объекта. Если первый горизонт поселения Новоильинка-VI действительно представляет собой бытовой мусор, то второй горизонт жилища №2 демонстрирует несколько иную картину. В хозяйственных ямах обнаружены «приклады» – наборы каменных, костяных орудий и керамические сосуды, скорее всего, преднамеренно оставленные древним населением. Наиболее показателен набор артефактов, обнаруженный в одной из хозяйственных ям жилища №2 (объект №5) [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 253–255, рис. 1].

В заполнении объекта №5 обнаружено орудие, выполненное из фрагмента верхней части стенки диафиза плюсневой кости лошади (рис. 2.-1). Боковые грани и рабочая кромка изделия оформлены серией поперечных сколов. Рабочую кромку орудия можно сравнить с латинской буквой «V» (рис. 2.-1). Еще одно аналогичное орудие найдено в хозяйственной яме №3 жилища №2, оно тоже изготовлено из фрагмента верхней части стенки диафиза плюсневой кости лошади, и боковые грани также оформлены серией поперечных сколов (рис. 2.-2). Рабочая кромка у этого изделия асимметричная округлая, условно ее можно сравнить с латинской буквой «U» (рис. 2.-2).

Сохранность этих двух изделий кардинально отличается от аналогичных орудий, обнаруженных в материалах первого культурного горизонта. В результате исследований на поселении Новоильинка-VI выдвинуто предположение о том, что часть предметов, обнаруженных в заполнении жилища №2, были преднамеренно оставлены древним населением до возвращения, так как они уходили в район, где было в избытке сырья для изготовления каменных орудий [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 255–256], а также о том, что в эпоху энеолита скотоводческое население Кулундинской степи с наступлением тепла передвигалось от Иртыша к Оби, а осенью – в обратном направлении [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 256–257]. Скорее всего, хорошая сохранность изделий из кости, обнаруженных во втором горизонте поселения

Новоильинка-VI, объясняется тем, что эти орудия были преднамеренно оставлены древним населением. Плохая сохранность аналогичных орудий из первого горизонта (см. рис. 1.-3, 4), скорее всего, связана с тем, что они были до предела сработаны и попали в культурный слой как мусор, не пригодный для дальнейшего использования.

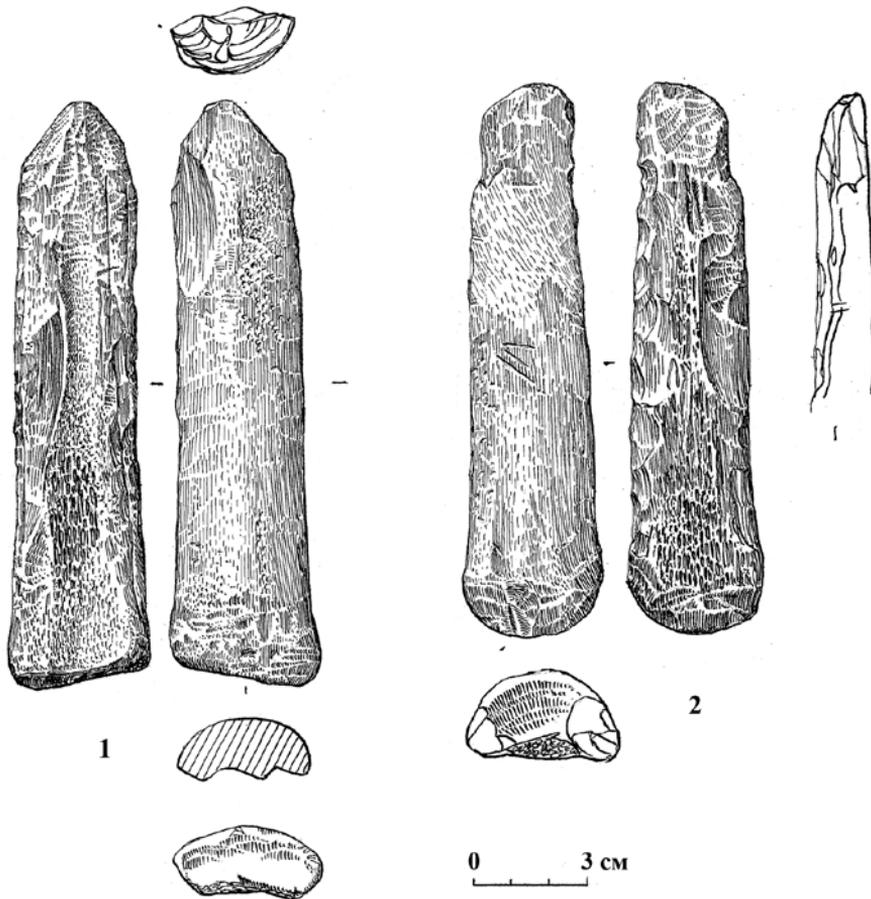

Рис. 2. Поселение Новоильинка-VI. Второй горизонт, изделия из кости: 1-2 – костяные острья, или «копьевидные орудия» (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Серия изделий из плюсневых костей лошади обнаружена на поселении эпохи энеолита Новоильинка-III, находящемся в 350 м к западу от Новоильинки-VI. Памятник Новоильинка-III открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым. По костям животных, найденным на поселении, получена серия радиоуглеродных дат: 4270 ± 170 л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 (СОАН-8318), 4310 ± 110 (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320) [Кирюшин, 2015б, с. 26–27].

На поселении Новоильинка-III обнаружены изделия, аналогичные найденным на поселении Новоильинка-VI (рис. 3.-1-2). Рабочая кромка у одного асимметричная округлая, условно ее можно сравнить с латинской буквой «U», а продольные края параллельные (рис. 3.-1). У второго края – конвергентные, рабочую кромку можно сравнить с буквой «V» (рис. 3.-2). Однако эти различия могут быть связаны с тем, что у первого орудия более за-

метны следы утилизации. На рабочей кромке имеются заглаженные выбоины, следы заломов (см. рис. 1.-1), на внутренней поверхности продольного края с одной стороны заметны следы погрызов мелких грызунов, а с другой – выбоины и заломы, подправленные подшлифовкой. Создается впечатление, что одно из изделий – это новое орудие (см. рис. 1.-2), а второе – сильно сработанное и неоднократно подправленное (см. рис. 1.-1).

На поселении Новоильинка-III обнаружены две пястные кости с обломанными нижними концами и глухими отверстиями в суставных поверхностях (рис. 3.-3, 4), которые, скорее всего, являются заготовками для подобных изделий. Эти два артефакта, имеющихся в нашем распоряжении, по-видимому, отражают начальный этап в процессе изготовления орудий, подобных описанным выше. По нашему мнению, отверстие в суставной части (на сочленовой поверхности) выполнено для последующего раскалывания кости, но плоскость расщепления пошла не так, как планировал древний мастер, и эти заготовки были забракованы.

Находки на поселениях Новоильинка-III и Новоильинка-VI иллюстрируют последовательную цепочку от начального этапа изготовления орудий типа «пешней» до их полной утилизации. Кости с обломанными нижними концами, с глухими отверстиями в суставных поверхностях с поселения Новоильинка-III (рис. 3.-3, 4) отражают первоначальные этапы этого процесса. Изделие из хозяйственной ямы жилища №2 (объект №5) поселения Новоильинка-VI – готовое орудие (см. рис. 2.-1). Два предмета с поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI демонстрируют этап использования орудий, которые в процессе утилизации подправлялись (см. рис. 2.-2; 3.-2), три изделия – орудий, не пригодных для дальнейшей эксплуатации (см. рис. 1.-3, 4; 3.-1).

Как уже отмечалось выше, на поселении Новоильинка-VI хорошо фиксируются следы, как минимум, трех жилищ. Конструктивной особенностью жилищ является большое количество столбовых ямок по внешнему и внутреннему периметрам углубленного в материк котлована. Велика вероятность, что описанные выше орудия использовались при земляных работах в процессе строительства жилищ. Дальнейшие трасологические и экспериментальные исследования позволят подтвердить или опровергнуть выдвинутые предположения. Нельзя исключать, что по мере накопления археологического материала в коллекциях поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI будут выделены две группы или подгруппы орудий, различающихся не только по форме рабочего края, но и по функциональному назначению. На данном этапе исследования контекст находок приводит к выводу, что эти орудия использовались при рытье котлованов, столбовых и хозяйственных ям жилищ.

В материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI найден выразительный обломок орудия, в котором без труда опознается лоцило (рис. 4.-1). Оно выполнено из фрагмента стенки диафиза крупной трубчатой кости лошади или крупного рогатого скота. Изделие имеет характерные следы заглаживания по краям (рис. 4.-1). Неплохо сохранилось изделие, которое является шпателем или орнаментиром (рис. 4.-2), выполненное из ребра лошади. Фиксируются заглаженность и легкий лоск на рабочей кромке орудия. Потребуется дополнительные исследования, чтобы уверенно атрибутировать данное изделие, но, вероятнее всего, мы не совершим ошибки, определив его как орудие, связанное с керамическим производством. Аналогии этим изделиям имеются в материалах поселений ботайской культуры эпохи энеолита Ботай и Красный Яр в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, с. 80–84, 133, рис. 19.-7–10, 13–18; 46.-2].

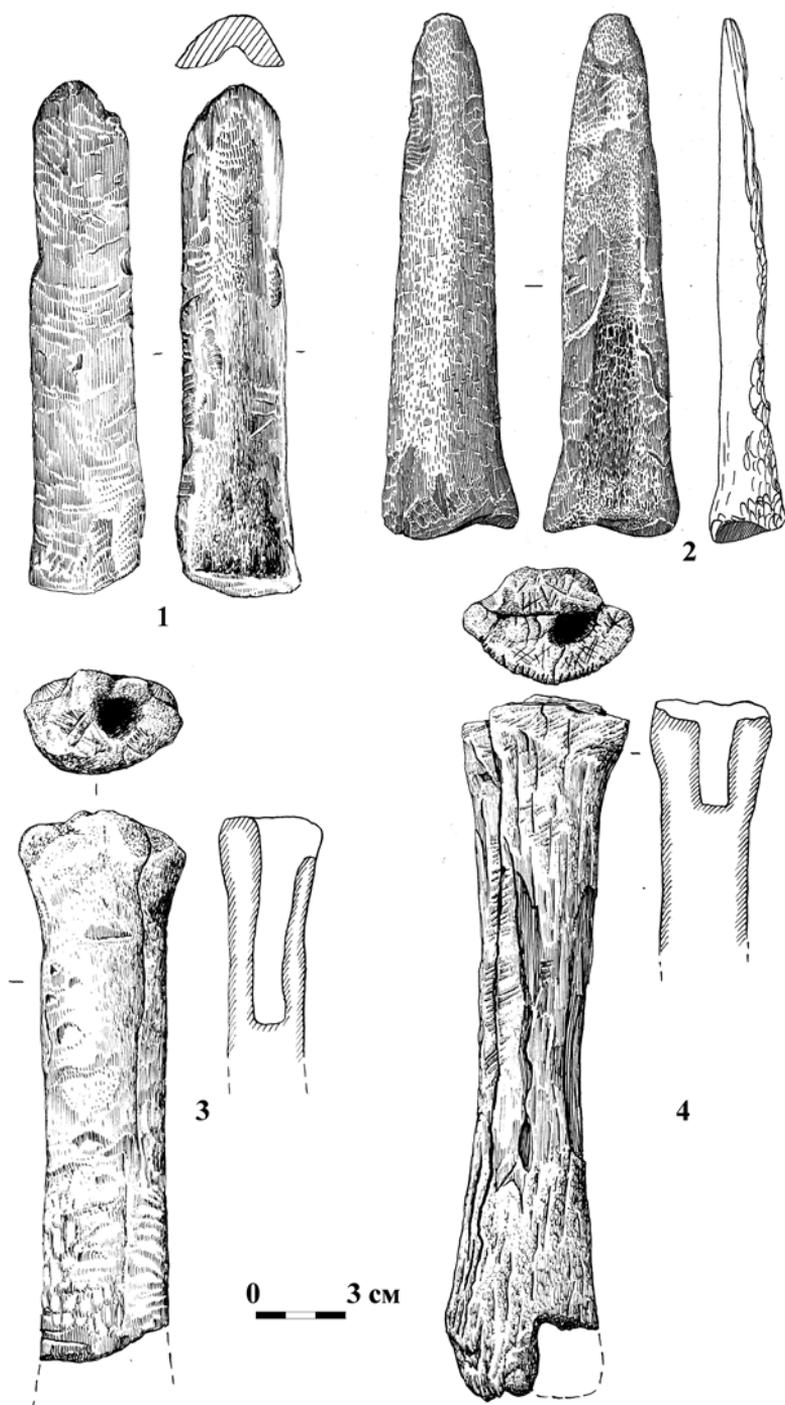

Рис. 3. Поселение Новоильинка-III: 1–2 – костяные острия, или «копьевидные орудия»; 3–4 – заготовки орудий из костей коней (3 – пястная без нижнего конца; 4 – неполная пястная кость) (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

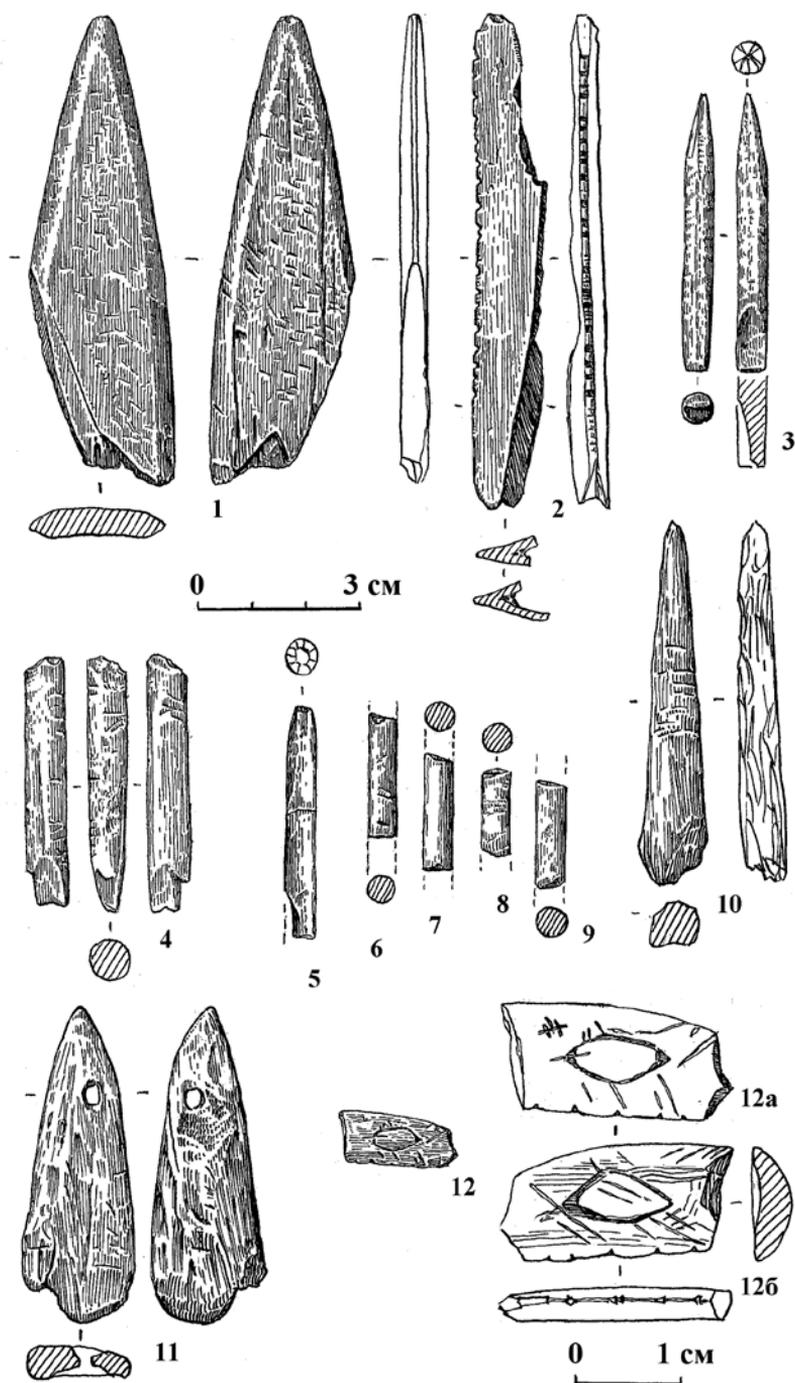

Рис. 4. Поселение Новоилынка-VI. Первый горизонт, изделия из кости:
 1 – лопило; 2 – шпатель; 3 – наконечник стрелы; 4–5 – фрагменты наконечников стрел;
 6–9 – изделия цилиндрических форм (фрагменты наконечников стрел?); 10 – острие;
 11 – обломок орудия; 12 – кость с орнаментом (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Интересны изделия с преобладанием цилиндрических форм (см. рис. 4.-3–9). К сожалению, целое изделие только одно (см. рис. 4.-3), остальные представлены обломками (см. рис. 4.-4–9). Скорее всего, это одна из разновидностей наконечников стрел, так называемые «игловидные наконечники стрел», которые известны в погребениях кротовской и одиновской культур Барабинской лесостепи [Молодин, 1985, с. 51, рис. 22.-25–30; 2012, с. 152, рис. 219.-1, 2]. По крайней мере, у одного предмета выражены все необходимые элементы – острое и насад (см. рис. 4.-3), еще у одного – только насад (см. рис. 4.-4), и у одного – острое (см. рис. 4.-5).

Часть изделий очень плохой сохранности (см. рис. 4.-10, 11), типологически не выраженные. Одно из изделий можно атрибутировать как острое (см. рис. 4.-10). Другое изделие является обломком орудия (рис. 4.-11), и атрибутировать его не представляется возможным. Можно только отметить некоторые весьма отдаленные аналогии с костяными «спицами» из погребений одиновской культуры Барабы [Молодин, 2012, с. 137, рис. 206.-2–4]. Хотя стоит еще раз уточнить, что аналогии весьма условные. Для изготовления использована стенка диафиза трубчатой кости лошади или крупного рогатого скота с сосудистым отверстием. При обработке естественное сосудистое отверстие было расширено каменной разверткой.

Особый интерес вызывает небольшой фрагмент трубчатой кости животного размером с козулю. На стенке диафиза этой кости с двух сторон вырезаны «ромбы» неправильной формы (см. рис. 4.-12). Изображения плохо читаются, и пока сложно атрибутировать данный предмет. Скорее всего, мы имеем дело с предметом неутилитарного назначения.

Очень важной представляется серия изделий из первых фаланг лошадей.

«Изделие с желобком» (рис. 5.-1) обнаружено на поселении эпохи энеолита терсекской культуры Казахстана Кожай-1 [Калиева, 1998, рис. 148.-5]. С.С. Калиева [1998, с. 206] называет его «путовая кость лошади с нарезками». У изделия, найденного на поселении Новоильинка-VI, прорезанные линии образуют четко выраженный желобок, который явно применялся для фиксирования нити. Подобный предмет мог использоваться как грузик, отвес или утяжелитель в самых разнообразных операциях.

Кость с царапинами, расположенными практически со всех сторон диафиза (рис. 5.-2), также имеет многочисленные аналогии в материалах поселения терсекской культуры Кожай-1 [Калиева, 1998]. На памятниках ботайской культуры в Северном Казахстане встречено большое количество фаланг копытных с орнаментом [Зайберт, 1993]. На поселении Новоильинка-VI царапины не образуют явно выраженного орнамента, и, с нашей точки зрения, они гораздо ближе находкам с Кожая-1, где прорезанные линии составляют параллельные или неупорядоченные группы. Вполне допустимо, что это могут быть следы от каменных заготовок орудий, упиравшихся в кость в процессе работы над ними.

Нам пока неизвестны аналоги изделию, являющемуся, по нашему мнению, наковальней (рис. 5.-3), на которой происходило расщепление камня. На плантарной поверхности имеются многочисленные следы забитости, характерные для данного типа изделий. Совокупность этих забитостей образует хорошо выраженную площадку овальной формы. Поверхность площадки слегка вогнута, и ее центральная часть относительно естественной поверхности кости вследствие выработки заглублена на 3–4 мм. Видимо, использование костей в качестве наковален для доводки каменных орудий было вполне логичным решением.

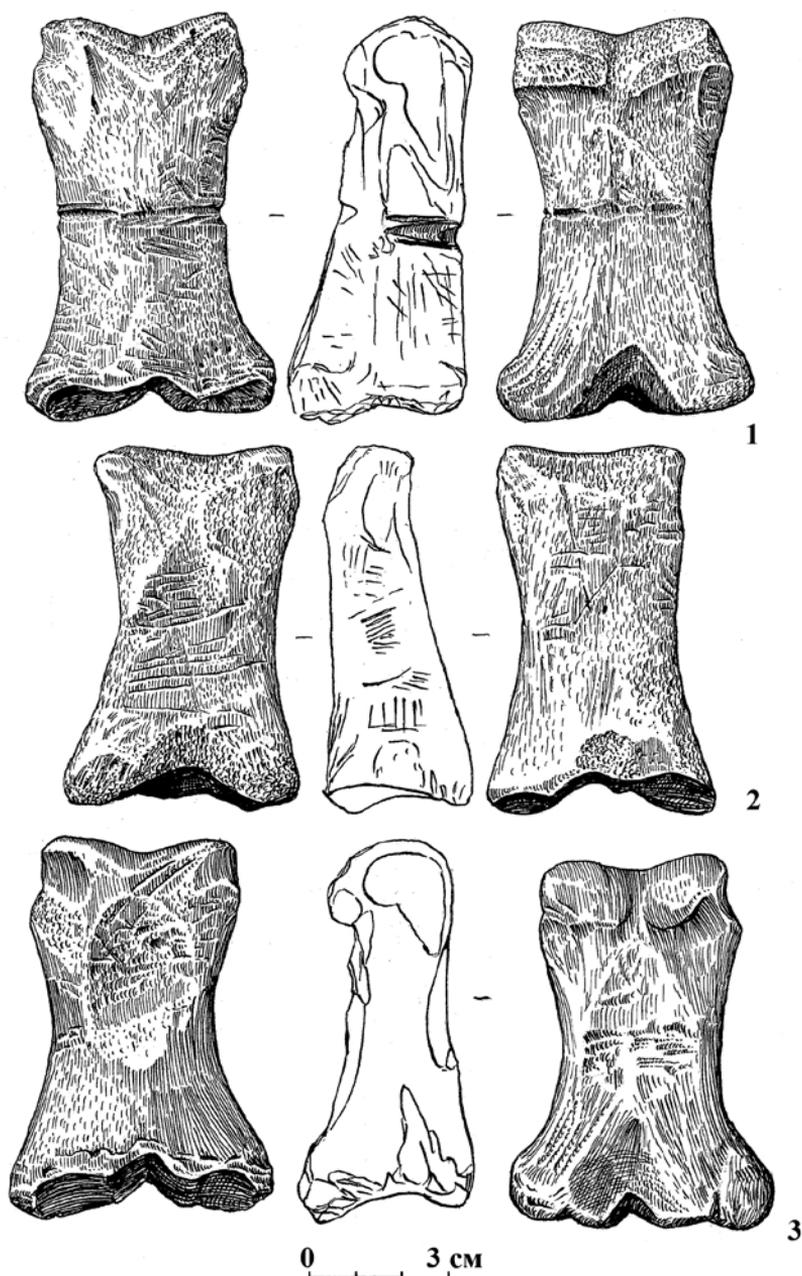

Рис. 5. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт, изделия из кости:
1-3 – изделия из первых фаланг лошадей (1 – «изделие с желобком»;
2 – кость с царапинами; 3 – наковальня) (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Двенадцать изделий являются подшипниками скольжения (БСЭ, 1975, том 20, с. 140). Мы считаем, что это верхняя неподвижная часть лучкового станка, которая удерживалась в руке. Для изготовления использованы первые фаланги крупного рога-

того скота и изредка – лошадей. Примерно посередине их диафиза с плантарной стороны пробивалось отверстие. Его форма значения не имела, но была преимущественно округлой. Вращающаяся часть приспособления вставлялась в получившееся отверстие и верхним концом упиралась изнутри в стенку диафиза кости. В результате вращения образовались характерные следы сработанности на внутренней поверхности диафиза фаланги, куда упиралась вращающаяся палочка. Коллекция найденных артефактов демонстрирует различные стадии изготовления: от начальной (рис. 6.-1, 2), когда только проломлена кость, до конечной, когда образованное отверстие имеет ярко выраженные следы сработанности на внутренней части и иногда по краям проломов. Стоит отметить, что на керамике поселения Новоильинка-VI имеются многочисленные просверленные отверстия, которые часто располагаются попарно или группами из трех отверстий.

В 2014 г. подобные изделия из первых фаланг лошадей были обнаружены на поселении Новоильинка-III. Аналогий таким орудиям в опубликованной литературе пока неизвестно.

Из плоских костей лошади (челюсти и лопатки) в материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI выполнено три орудия (рис. 7, 8).

Изделия, сделанные из нижних челюстей лошадей, – трепала (рис. 7). Одно из них со сквозным отверстием в рукояти, в которое, вероятно, продевалась ременная петля для подвешивания (рис. 7.-1). Отверстие просверлено в сочленовном отростке. Рабочее лезвие дугообразной формы. Отдельные выступающие части заглажены и даже имеют легкий блеск.

В научной литературе не сложилось единого термина для обозначения подобных изделий, и исследователи используют различные названия: «серповидные» орудия [Молодин и др., 2009, с. 184–185, рис. 14], «трепала» [Папин, Шамшин, 2005, с. 42] или «тупики» [Папин, Шамшин, 2005, с. 42; Зайберт, 1993, с. 128, рис. 46.-1, 4].

Изделия их нижних челюстей лошади представлены в материалах поселения бо-тайской культуры эпохи энеолита Красный Яр в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, с. 128, рис. 46.-1, 4]. Орудие их нижней челюсти крупного копытного обнаружено на поселении ранней бронзы Березовая Лука в Алейской степи [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 128.-1].

Изделия из нижних челюстей крупных копытных встречены на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Барабинской лесостепи Чича [Молодин и др., 2009, с. 184–185, рис. 14]. Как отмечают исследователи, подобные орудия «довольно широко представлены в материалах памятников эпохи поздней бронзы, переходного времени к раннему железному веку и скифского времени» [Папин, Шамшин, 2005, с. 42]. Два изделия из челюстей крупного рогатого скота, которые исследователи называют трепалами или тупиками и считают универсальными орудиями для различных хозяйственных операций, найдены на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Барнаульского Приобья Мыльниково [Папин, Шамшин, 2005, с. 42, рис. 4.-2; 18.-1, 4]. Два целых трепала и обломки обнаружены в землянках №1, 2 и 3 на поселении большереченской культуры Барнаульского Приобья БЕ-I [Грязнов, 1956, с. 76]. Семь изделий, называемых «костяными скребками для выделки шкур», были найдены на поселении саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы степного Алтая Советский Путь-1 [Ситников, 2015, с. 106, рис. 62.-1–4; 63.-1, 2; 64].

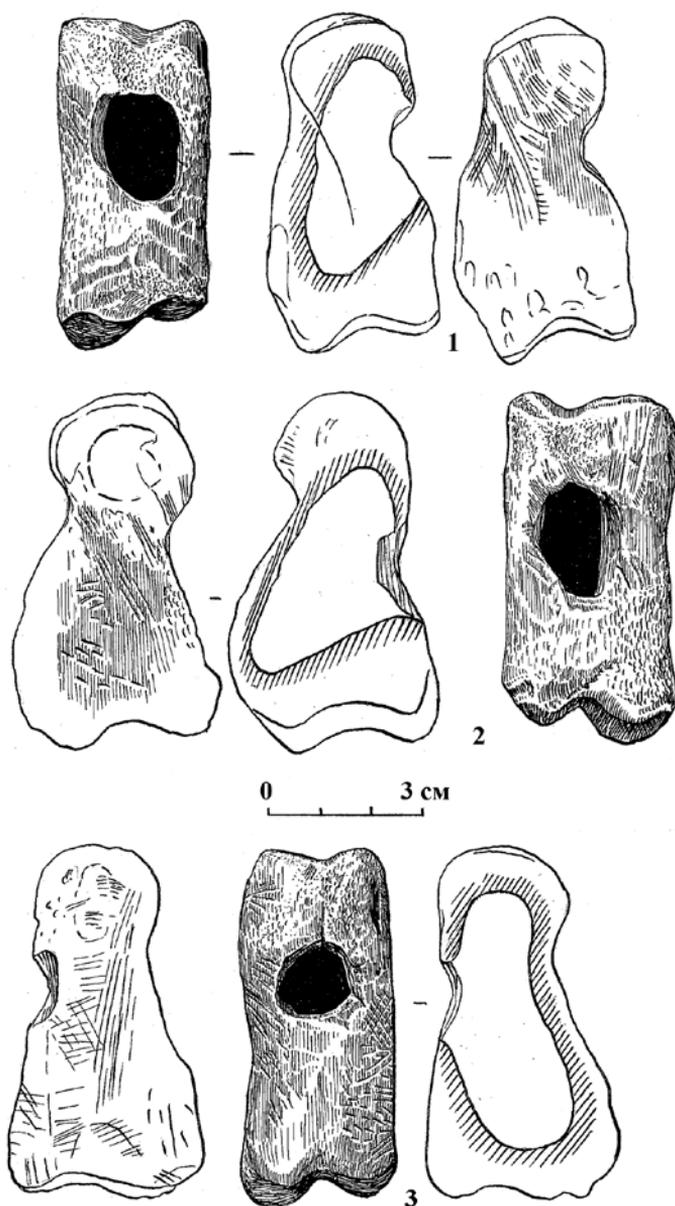

Рис. 6. Поселение Новоилынка-VI. Первый горизонт: изделия из первых фаланг лошадей (верхняя, неподвижная часть лучкового станка) (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

По мнению М.П. Грязнова [1956, с. 76], костяные трепала повторяют форму бронзовых серпов. Как считал исследователь, в условиях дефицита металла на Верхней Оби металлические серпы «пришлось заменить специально сделанными костяными трепалами» [Грязнов, 1956, с. 77]. В материалах первого горизонта поселения Новоилынка-VI встречены трепала, абсолютно идентичные изделиям поздней бронзы и раннего железного века, вплоть до сквозного отверстия в рукояти (см. рис. 5.-1).

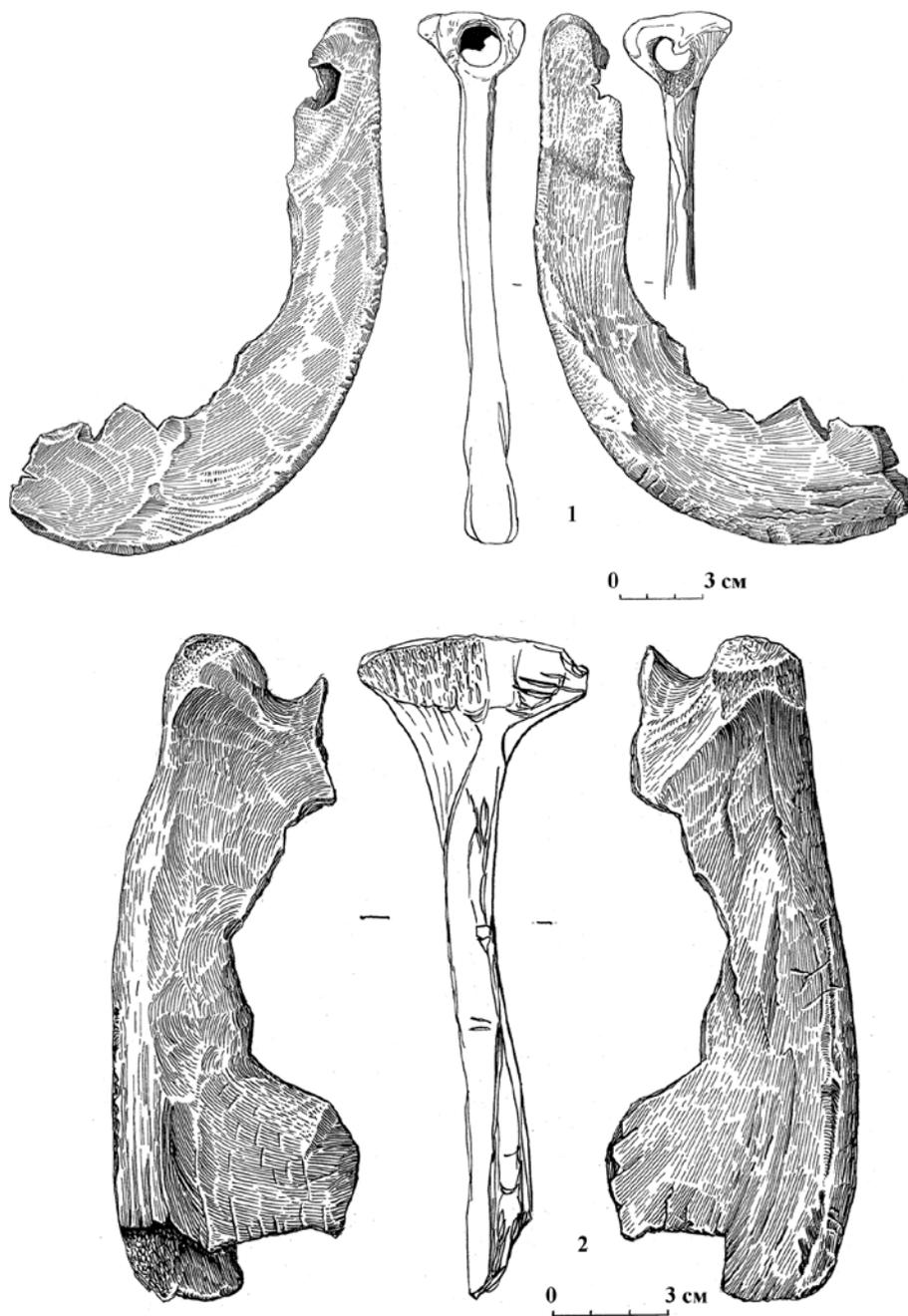

Рис. 7. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт, изделия из кости: трепала (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Трепала, обнаруженные на поселении Новоильинка-VI, как минимум, на тысячу лет старше, чем первые металлические серпы, обнаруженные на территории юга Западной Сибири. Есть все основания утверждать, что в эпоху энеолита появляется само-

стоятельный тип костяных изделий (трепала из нижних челюстей лошадей), которые в силу простоты изготовления и эффективности использования получают широкое распространение в течение длительного времени вплоть до раннего железного века, а, возможно, и значительно дольше. По мнению исследователей, «...конские челюсти были наиболее ценным сырьем», так как скуловая часть костей этих животных более массивна по сравнению с коровьими, и «...кроме того, зубы на нижней части лошади располагались более компактно относительно цельной костной ткани, чем у парнокопытных» [Молодин и др., 2009, с. 184]. Но в некоторых случаях в археологических культурах переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку вместо челюстей лошади использовались кости крупного рогатого скота [Папин, Шамшин, 2005, с. 42].

Изделие из лопатки лошади небольшого размера – 14 см в длину и от 3 до 3,5 см в ширину (рис. 8). По мнению исследователей, «использование этого косторезного сырья на юге Западной Сибири прослеживается с финального палеолита до эпохи бронзы и раннего железа», при этом технология разделки сырья менялась, неизменным оставалось только предварительное удаление бугра ости лопатки для получения ровной и широкой костяной заготовки [Молодин и др., 2009, с. 185]. Рабочие кромки изделия, обнаруженного в материалах первого горизонта, почти прямые (лишь немного изогнуты), хорошо заглажены и имеют легкий блеск.

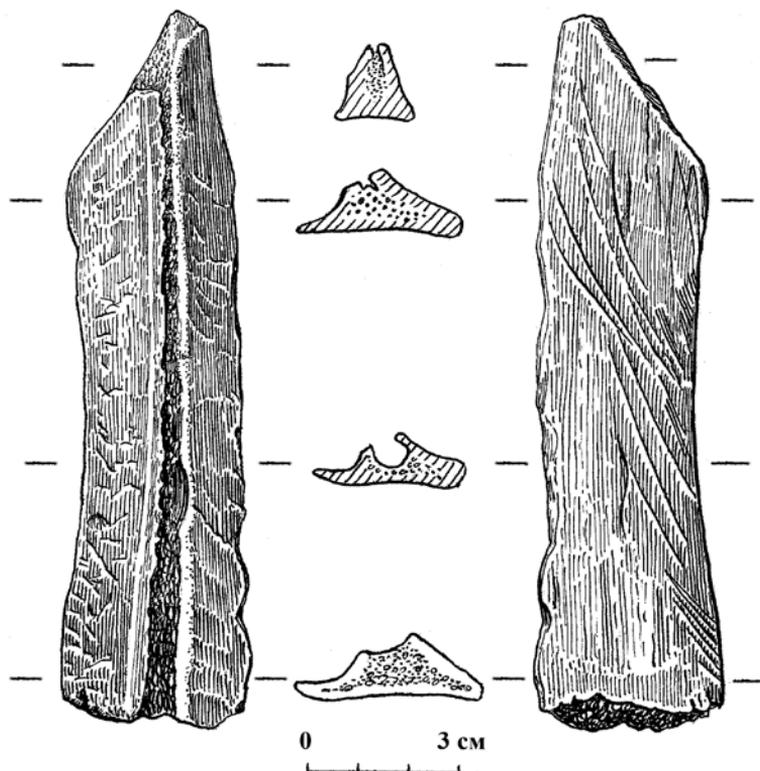

Рис. 8. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт.
Изделие из лопатки лошади (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Коллекция из 38 предметов, выполненных из лопаток мелкого и крупного рогатого скота, найдена на поселении ранней бронзы Березовая Лука в Алейской степи [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 135, рис. 134–140; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 56, рис. 33.-1]. Для обозначения подобных изделий исследователи используют термины «орудие скорняжного производства» [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 135, рис. 134–140] или «скребок» [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 56, рис. 33.-1]. Серия предметов из лопаток крупных копытных обнаружена на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Барабинской лесостепи Чича [Молодин и др., 2009, с. 185, рис. 15]. Для обозначения орудий из лопаток крупных копытных исследователи используют термин «серповидные изделия» [Молодин и др., 2009, с. 185]. Как отмечают ученые, система раскроя лопатки и форма орудий, изготавливающихся на Чиче-1, существенно отличаются от таковых для изделий из такого же сырья на поселении Березовая Лука [Молодин и др., 2009, с. 185].

В материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI найдено одно такое изделие. Osteологические коллекции второго горизонта поселения Новоильинка-VI так же, как и коллекции поселения Новоильинка-III, полученные в ходе раскопок 2014 г., пока находятся в процессе обработки. Нет сомнений, что коллекция изделий из лопаток крупных копытных пополнится новыми артефактами, что позволит более подробно рассмотреть систему раскроя кости и типологию этих орудий.

По мнению исследователей, изделия из челюстей и лопаток крупных копытных достаточно универсальны [Молодин и др., 2009, с. 184], и они чаще всего трактуются как орудия скорняжного производства [Молодин и др., 2009, с. 185; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 135] или трепала для обработки диких или домашних растений [Молодин и др., 2009, с. 185; Папин, Шамшин, 2005, с. 42; Грязнов, 1956, с. 76–77]. В античных комплексах Северного Причерноморья орудия из нижних челюстей животных использовались для ошкуживания стволов деревьев [Каспаров, Шаровская, 2002, с. 126, рис. 177.-1]. В некоторых случаях удается установить, что эти орудия применялись для разминания узких кожаных полос и ремней [Панковский, 2000, с. 95].

Заключение

Как уже отмечалось выше, на поселении Новоильинка-VI обнаружены следы долговременных жилищ, при сооружении которых использовалось большое количество столбов и жердей [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015 рис. 1, с. 253–255]. Контекст находок позволяет допустить, что орудия, изготовленные из нижних челюстей животных, могли применяться для ошкуживания стволов деревьев. В 2014 г. на поселении Новоильинка-III были обнаружены зубы лошадей со следами сработанности. Предположение, что орудия из плоских костей лошадей использовались для разминания узких кожаных полос и ремней, которые применялись для изготовления конской сбруи, требует дополнительной аргументации, но является вполне допустимым и может использоваться на уровне рабочей гипотезы.

Трепала из нижних челюстей и лопаток лошади появляются в эпоху энеолита и в силу простоты изготовления и своей эффективности получают широкое распространение и используются в течение длительного времени вплоть до раннего железного века, а возможно, и значительно дольше, на широких просторах степей Евразии от Молдавии до Верхнего Приобья.

Пешневидные орудия находят аналоги в материалах культур с производящей экономикой эпохи энеолита и ранней бронзы на территории Северного Казахстана, Степного Алтая и Барабинской лесостепи.

Изделия из первых фаланг лошадей с желобком и царапинами имеют аналоги в материалах культур эпохи энеолита Северного Казахстана.

Аналоги «игловидным» наконечникам стрел известны в погребениях кротовской и одиновской культур Барабинской лесостепи.

Наблюдается определенная тенденция, близкие аналогии прослеживаются в материалах раннебронзовых культур Степного Алтая и Барабинской лесостепи – в кротовской и елунинской, а также среди энеолитических культур Казахстана – ботайской и терсекской.

Участие местного энеолитического населения в процессе формирования елунинской культуры уже отражалось в научной литературе [Кирюшин, 2002, с. 84]. Также выдвигалось предположение о том, что энеолитическое население Северной Кулунды внесло свой вклад в формирование раннебронзовых культур Алтая и сопредельных территорий [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015]. Особенно хорошо это просматривается на материалах уткульской группы памятников на правом берегу Барнаульско-Бийского Приобья [Грушин, 2014; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015]. Изделия из костей животных, обнаруженные на поселении Новоильинка-VI, подтверждают выдвинутые ранее гипотезы.

Подшипники скольжения из первых фаланг крупного рогатого скота и реже – лошадей являются очень специфичными изделиями, и аналоги им пока неизвестны. Вероятно, эти изделия могут стать одним из этнокультурных признаков энеолитических памятников Кулундинской степи.

Керамические коллекции поселения Новоильинка-VI очень оригинальны, имея черты несомненного сходства, они выделяются из массива имеющихся данных по неолиту и энеолиту степного, лесостепного Алтая и Верхнего Приобья [Кирюшин, 2015]. Главное отличие керамики поселения Новоильинка-VI от синхронных памятников Алтая заключается в ярко выраженном «геометризме». Скорее всего, это связано с расположением поселения в своеобразной буферной зоне между «гребенчатоямочными культурами» западносибирского или урало-сибирского типа (байрыкского, екатерининского, кипринского и др.) и «геометрическими» казахского типа (ботайской и терсекской). Как отмечают исследователи, «на определенном отрезке времени такой культурный район сам мог превращаться в очаг культуругенеза, так как формирование новых археологических культур во многом являлось результатом взаимодействия нескольких культурных традиций» [Шорин, 1999, с. 7]. Разнообразие орудий из кости в материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI может служить свидетельством нахождения памятника в подобном «очаге культуругенеза».

Материалы памятника, без сомнения, являются уникальными для региона. Продолжение исследования поселения Новоильинка-VI позволит получить новые объективные данные для решения проблем формирования и динамики развития культур энеолита и бронзы Алтая и сопредельных территорий.

Библиографический список

Гайдученко Л.Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана : Сары-Арка, 2014. С. 211–214.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 421–427.

Грушин С.П. «Уткульская» группа памятников бронзового века в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С. 416–420.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 160 с. (МИА, №48).

Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М. : Наука, 1996. С. 173–180.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск : Наука, 1993. 246 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Алматы : Изд-во МН-АК РК : Ин-т археологии им. А. Маргулана, 1998. 225 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай : Б.и., 1997. 180 с.

Каспаров А.К., Шаровская Т.А. Об орудиях для обработки дерева из городища Нимфей // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб. : Наука, 2002. С. 126–129.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №4/1 (88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. №1 (61). С. 25–36.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу об участии энеолитического населения Северной Кулунды в формировании раннебронзовых культур Барнаульско-Бийского Приобья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62), Т. 6. С. 44–50.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 228 с.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Шабанова О.Н. Материалы второго горизонта жилища №2 поселения Новоильинка-VI (предварительные итоги исследования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 253–257.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 248 с.

Панковский В.Б. Подходы к изучению специализации и организации форм косторезного и кожевенного производств в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 95–96.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.

Подшипник скольжения // БСЭ. Т. 20. М. : Советская Энциклопедия, 1975. С. 140.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 254 с.

Черныш Е.К., Мерперт Н.Я. Памятники позднего периода культуры Триполье-Кукутени // Энеолит СССР. М. : Наука, 1982. С. 213–219.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург : УрО РАН, 1999. 182 с.

K.Y. Kiryushin, L.L. Gaiduchenko

**ARTICLES OF BONES IN THE MATERIALS OF THE FIRST LAYER
ENEOLITHIC SETTLEMENT “NOVOILINKA-VI”**

In 2013, in the Altai Territory was revealed a new monument of the Chalcolithic era – the Novoilinka-VI settlement. The discovered finds of animal bones (more than 30000) allow speaking confidently about the nature of the economy of the monuments' population. During the study of the first layer of the Novoilinka-VI settlement collection was made of very expressive series of bones with traces of processing. Most products are made of the bones of a horse.

Products from the lower jaw and blades of the horse are widespread in the steppes of Eurasia from Moldova to the Upper Ob from the Eneolithic to the early Iron Age. The chisel type products have analogues in the material cultures of the Eneolithic and Early Bronze Age in Northern Kazakhstan, Steppe Altai and the Baraba forest-steppe. Products from the first phalanx of horses with a groove and scratches have analogues in the material cultures of the Eneolithic in Northern Kazakhstan.

Analogues of “needle-” arrowheads are known in the burials of the Krotovskaya and Odinovskaya culture of the Early Bronze Age of the Baraba forest-steppe.

“Clutches” of the first phalanges of horses are very specific products. These clutches are the most upper part of the arched mechanism. Perhaps these items may be one of the ethnocultural features of Eneolithic monuments of the Kulunda steppe.

Key words: archaeology, the Eneolithic, producing economy, products from the lower jaw and blades horse, metapodial bones of horses.

References

Gayduchenko L.L. Vremya poyavleniya i osobennosti drevneyshego stepnogo zhivotnovodstva v Kazakhstane [Time of Occurrence and Features of the Ancient Steppe Livestock in Kazakhstan]. Dialog kul'tur Evrazii v arkhologii Kazakhstana [Cultural Dialogue of Eurasia in Kazakhstan Archaeology]. Astana : Sary-Arka, 2014. Pp. 211–214.

Gayduchenko L.L., Kiryushin K. Yu. Novye osteozoologicheskie materialy iz raskopok eneoliticheskogo poseleniya Novoil'inka-VI v Kulunde [New Osteozoological Materials from Excavations from the Chalcolithic Settlement Novoilinka-VI in Kulunda]. Margulanovskie chteniya – 2014 [The Margulan Readings – 2014]. Almaty ; Pavlodar : In-t arkhologii im. A.Kh. Margulana, 2014. Pp. 421–427.

Grushin S.P. “Utkul'skaya” gruppa pamyatnikov bronzovogo veka v Verkhnem Priob'e [The “Utkulsk” Group of the Bronze Age Monuments in the Upper Ob Region]. Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'ezda v Kazani. T. I [Proceedings of the IV (XX) All-Russia Archaeological Congress in Kazan. Vol. I]. Kazan' : Otechestvo, 2014. Pp. 416–420.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob from the Excavations near the Big River Village]. M. ; L. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 160 s. (MIA №48).

Gurina N.N., Kraynov D.A. L'yalovskaya kul'tura [The Lyalovo Culture]. Neolit Severnoy Evrazii [The Neolithic of Northern Eurasia]. M. : Nauka, 1996. Pp. 173–180.

Zaybert V.F. Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Eneolithic of the Ural-Irtysh Interfluve]. Petropavlovsk : Nauka, 1993. 246 p.

Kalieva S.S. Poselenie Kozhay I [The Kozhay I Settlement] . Almaty : Izd-vo MN-AK RK : In-t arkhologii im. A. Margulana, 1998. 225 p.

Kalieva S.S., Logvin V.N. Skotovody Turgaya v tret'em tysyacheletii do nashey ery [Pastoralists of Turgai in the Third Millennium BC]. Kustanay : B.i., 1997. 180 p.

Kasparov A.K., Sharovskaya T.A. Ob orudiyakh dlya obrabotki dereva iz gorodishcha Nimfey [About the Tools for Wood Processing from the Nymphaeum settlement]. Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Ch. 1 [Bospor Phenomenon: Funerary Monuments and Shrines. Part 1]. SPb. : Nauka, 2002. Pp. 126–129.

Kiryushin K.Yu. Keramika poseleniya Novoil'inka-VI (po rezul'tatam issledovaniy 2013–2014 gg.) [Pottery of the Novoilinka-VI Settlement (According to the Results of Research 2013–2014)]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2015a. №4/1 (88). Pp. 149–156.

Kiryushin K.Yu. Morfologo-ornamental'nye gruppy keramiki s poseleniya epokhi eneolita Novoilinka-III v Severnoy Kulunde [Morphological and Ornamental Pottery Group from the Eneolithic Settlement "Novoilinka-III" in North Kulunda]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2015b. №1 (61). Pp. 25–36.

Kiryushin Yu.F. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri [Chalcolithic and Early Bronze of the South of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 293 p.

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi [Berezovaya Luka – the Bronze Age Settlement in the Alei Steppe]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2011. Vol. II. 171 p.

Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu. K voprosu ob uchastii eneoliticheskogo naseleniya Severnoy Kulundy v formirovaniy rannebronzovykh kul'tur Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya [About the Participation of the Chalcolithic Population of Northern Kulunda in the Formation of the Early Bronze Cultures of the Barnaul-Biysk Ob]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kemerovo State University]. 2015. №2 (62), Vol. 6. Pp. 44–50.

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M., Tishkin A.A. Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi [Berezovaya Luka – the Bronze Age Settlement in the Alei Steppe]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Vol. I. 228 p.

Kiryushin K.Yu., Sitnikov S.M., Shabanova O.N. Materialy vtorogo gorizonta zhilishcha №2 poseleniya Novoilinka-VI (predvaritel'nye itogi issledovaniya) [Materials of the Second Layer of the Dwelling №2 of the Novoilinka-VI Settlement (the Preliminary Results of the Study)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. XXI* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2015. Pp. 253–257.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury. [Monument Sopka-2 on the River Ob: Cultural and Chronological Analysis of the Funerary Complexes of Odinovskaya Culture]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2012. Vol. 3. 220 p.

Molodin V.I., Partsinger G., Krivonogov S.K. i dr. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi [Chicha – Settlement of the Transition from the Bronze to Iron Age in Baraba Forest-Steppe]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2009. Vol. 3. 248 p.

Pankovskiy V.B. Podkhody k izucheniyu spetsializatsii i organizatsii form kostoreznogo i kozhevennogo proizvodstv v epokhu pozdney bronzy [Approaches to the Study of Specialization and Organization of the Forms of Carving and Leather Industries in the Late Bronze Age]. *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy* [Archaeology and Ancient Architecture of the Left-Bank Ukraine and Adjacent Territories]. Donetsk : Skhidnyy vidavnichiy dim, 2000. S. 95–96.

Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'e v perekhodnoe vremya ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku [The Barnaul Ob Region in the Time of Transition from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 202 p.

Podshipnik skol'zheniya [Plain Bearing]. BSE. Vol. 20. M., 1975. 140 p.

Sitnikov S.M. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya [The Culture of Sargarinsko-Alekseevsk Population of Forest – Steppe Altai]. Barnaul : AltGPU, 2015. 254 p.

Chernysh E.K., Merpert N.Ya. Pamyatniki pozdnego perioda kul'tury Tripol'e-Kukuteni [Monuments of Culture of the Late Period of Tripolye – Cucuten Culture]. Eneolit in the USSR [Eneolithic of the USSR]. M. : Nauka, 1982. Pp. 213–219.

Shorin A.F. Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: problemy kul'turogeneza [Neolithic of the Urals and Adjacent Territories: Problems of Cultural Genesis]. Ekaterinburg : UrO RAN, 1999. 182 p.